ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Суханова Евгения Владимировича
«Амфоры как источник для изучения торговых контактов населения салтово-маяцкой культуры Среднего и Нижнего Дона»,
поданную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 07.00.06 – археология

Диссертация Евгения Владимировича Суханова состоит из текста, разделенного на шесть глав и традиционно включающего историографический, источниковый обзор и анализ морфологических и технологических параметров рассматриваемых сосудов. Заключительная историческая глава посвящена рассмотрению проблемы торговых контактов населения Среднего и Нижнего Дона с сопредельными территориями. В качестве самостоятельных приложений, занимающих отдельные тома, выполнен иллюстративный материал, типологические и хронологические таблицы, статистические графики и диаграммы, табличные статистические материалы.

Актуальность темы исследования очевидна. Рассматриваемые в работе амфоры являются своеобразной визитной карточкой раннесредневековых памятников не только Таврики, но и территорий Подонья, Приазовья, Тамани и Северного Кавказа. В некоторых случаях, при минимальном количестве датирующих находок, они выступают и в качестве хронологических индикаторов. Совершенно логично, что именно они позволяют делать выводы исторического порядка о характере торговых связей рассматриваемого в работе географического региона. Вместе с тем, трудно согласиться с утверждение автора о том (с. 4), что амфоры причерноморского типа являются наименее изученными среди всех составляющих керамического комплекса салтово-маяцкой археологической культуры. Это, отчасти, справедливо только для территорий Среднего и Нижнего Дона.

Все же, бесспорной научной новизной работы является впервые примененный комплекс естественно научных методов, включающий геометрическую морфометрию, 3D-моделирование, бинокулярную микроскопию и разнообразные методы многомерной статистики. Благодаря этому автор решает две главные задачи. Первая, заявленная в теме диссертации, связана с получением новой информации для региона Среднего и Нижнего Дона. Вторая – проверка и корректировка имеющейся информации о причерноморских амфорах в целом. Сразу отметим, что для решения первой задачи, главное внимание уделено второй, что логично и оправдано, но, заставляет задуматься о соответствии объекта и предмета исследований. Яркое отражение это находит и при характеристике географических рамок работы.

В **первой главе** дается развернутый анализ истории изучения причерноморских амфор, разделенный, исходя из упомянутых выше двух задач, на два параграфа. Автором совершенно оправданно предложена периодизация изучения рассматриваемых амфор. В качестве опечатки можно упомянуть ссылку на работу В.А. Бабенко при анализе публикаций довоенных раскопок городища Тепсень (с. 13) при рассмотрении второго периода (1950-1980-е гг.). В качестве положительных моментов диссертации необходимо отметить условное, но удачное разделение работ на те, которые связаны с разработкой вопросов атрибуции, классификации и хронологии. К сожалению, за пределами рассмотрения автора диссертации оказалась диссертационная работа И.А. Баранова, защищенная в 1977 г.[1] и посвященная, в том числе, анализу причерноморских амфор

[1] Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму. Локальный вариант салтово-маяцкой культуры. Автореф. дисс. канд. ист. наук. – К., 1977.

обнаруженных на всех известных тогда салтовских памятниках полуострова. Позже эти выводы были опубликованы в обширной статье и монографическом исследовании[2]. Тем не менее, именно эта хронология и типология причерноморских амфор долгое время была преобладающей и только относительно недавно была пересмотрена[3]. К сожалению, и эта дискуссия оказалась за пределами внимания автора. Вместе с тем, перечень проблем, вынесенных автором в качестве выводов к первому параграфу главы, можно считать актуальным и исчерпывающим.

Второй параграф данной главы, повествующий о развитии представлений об амфорах, как историческом источнике можно считать более удачным. И здесь деление работ, связанных с анализом распространения амфор и направлением торговых связей регионов позволяет оценить степень разработанности проблемы. Удивляет отсутствие в этом параграфе, как и в остальных частях работы, упоминания о работе Н.В. Анфимова[4], хотя в списке литературы она присутствует, посвященной импорту с территории Тамани нефтепродуктов. Хотя бы в качестве историографической, ее следовало бы упомянуть. Исходя из этого, первый вывод данного параграфа (с. 30) представляется верным, но не до конца обоснованным. Второй вывод о дискуссионном характере атрибуции разного количества амфорного материала на салтово-маяцких поселениях абсолютно верен. Согласен и с тем, что перспективы дальнейшей работы в этом направлении могут быть связаны с использованием новых методик исследования, в частности с теми, которые предлагает автор. Третий вывод данного параграфа о поступлении продукции в амфорах на Нижний и Средний Дон, верен, но, еще важнее, чем это представляется автору. Выяснение конкретного места импорта, учитывая политическую подчиненность различных регионов Таврики Византийской империи или Хазарскому каганату, позволит на новом уровне воспринимать торговые контакты.

Во **второй главе** подробно рассматривается источниковая база работы. Совершенно логично, что первой и основной группой являются фрагменты амфор, происходящих из салтово-маяцких памятников Среднего и Нижнего Дона. Несколько удивляет повторяющийся термин «бытовые» памятники, довольно редко употребляющийся в литературе. Следовало все же пояснить, почему были использованы только профильные части и крупные фрагменты тулова, хранящиеся в музейных коллекциях. Совершенно очевидно, что для статистических наблюдений преобладания выделенных Е.В. Сухановым двух основных классов амфор важны количественные показатели всего амфорного материала. Они наверняка должны содержаться в отчетных материалах, использования которых совершенно необходимо. Спорной, но перспективной является попытка определения минимально возможного числа сосудов, от которых происходят изучаемые фрагменты.

Полезен и список археологических памятников Среднего и Нижнего Дона, послуживших источниками работы, снабженный и конкретными археологическими комплексами, содержавшими амфорный материал, приведенными в Таблице 1 Приложений. Было бы неплохо хотя бы в плане статистики указать, во-первых, общее число салтово-маяцких памятников данного региона и тех, на которых обнаружен амфорный материал. Во-вторых, дополнительно аргументировать принцип отбора

---

[2] Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. – София, 1981. – Т. 2.; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990.

[3] Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.; Баранов В.И. Амфоры Тау-Кипчака // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Часть II. Киев-Судак, 2004. С. 23-25.

[4] Анфимов Н.В. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. –1958. -Вып. 49. - С. 151-154.

памятников. Все же ссылка на доступность коллекции в музейном фонде не является до конца объективной (с. 34). В-третьих, было бы очень полезно, а такая информация, исходя из таблицы 1 приложений, автору доступна, отметить для каждого памятника, или в целом, какие приведенных контекстов можно условно считать закрытыми комплексами, а какие нет.

Больше вопросов ко второй группе источников, представленных целыми и, согласно автору «условно целыми» амфорами. Во-первых, необходимо дополнительно обосновать правомерность привлечения «условно целых» амфор не столько для реконструкции объема, сколько для морфологической систематики. Ведь параметры горла и ручек имеют важное типологическое значение. Во-вторых, необходимо совершенно четко указать критерии отбора материала. Список использованных в работе памятников можно существенно расширить. Указывать в качестве критерия недостаточную информативность опубликованных сосудов, значит искусственно сужать источниковую базу. Осталось непонятным, почему не использованы амфоры, происходящие непосредственно из раскопок гончарных печей. Многие из них опубликованы в приемлемом для Е.В. Суханова виде.

Новаторской, но наиболее спорной выглядит третья группа источников, представленная образцами глин, отобранных на территории Крыма. Пробы глины, использованные в работе, происходят из 10 пунктов. Было бы очень полезным отметить их на карте с сопоставлением месторасположения известных гончарных центров. Требует аргументации пункты 8 и 9. Никаких гончарных центров по производству причерноморских амфор в этих микрорегионах пока неизвестно. Вместе с тем, не отобраны образцы возле наиболее масштабного гончарного центра близ с. Морское Судакского горисполкома. Автору должно быть известно, что в настоящее время в Таврике известно и картографировано 32 гончарных центра по производству причерноморских амфор[5]. Почему отобраны именно эти десять образцов. Необходима дополнительная аргументация. В противном случае эта группа источников не может привлекаться для предложенных в диссертации выводов.

Намного более продуманным и достаточно аргументированным выглядит второй раздел главы, посвященный методам исследования. Недаром он занимает большую часть главы. Все они справедливо разделены на три группы, позволяющие проследить морфологию и технологию изготовления сосудов. Совершенно обосновано утверждение автора о том, что методики изучения морфологии, наработанные на амфорах античного периода, невозможно перенести на рассматриваемый в этой работе материал. Этот раздел главы действительно является новаторским и заслуживает самого пристального внимания при анализе разных категорий керамических комплексов. Прежде всего это относится к керамических комплексам средневековых памятников Таврики.

Третья глава, очевидно, по технической причине отсутствующая в содержании, посвящена непосредственно критериям и принципам систематики причерноморских амфор. Несмотря на справедливое утверждение автора о том, что амфорные материалы Среднего и Нижнего Дона недостаточны для обобщающей типологии причерноморских амфор, привлечение источников группы два, делает попытку классификации этой группы керамики вполне оправданной. Именно как новую современную типологию амфор причерноморского типа эту главу и следует рассматривать со всеми вытекающими спорными моментами. Обратимся именно к ним.

Автор говорит о двух морфологических признаках, играющих решающую роль при выделении двух классов причерноморских амфор. Если ко второму признаку, наличие или отсутствие мелкого зонального рифления и наличие бороздчатого рифления нет

---

[5] Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII-X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. Сборник научных статей. -К.: Наукова думка, 2001. -С. 52-81.

замечаний, то ко второму, связанному с объемом амфор, замечания имеются. Среди крымских материалов, например Сугдеи, есть совершенно однозначная группа крупных рифленых сосудов, превышающая по объему остальные типы. На наш взгляд, объем амфор не является признаком для выделения класса.

Е.В. Сухановым проделана большая и кропотливая работы по вычленению доли объема амфоры, который занимают ее стенки. Исследователь пришел к логичному заключению о том, что эта доля тем ниже, чем больше размер самого сосуда. Однако проецировать эту закономерность на те амфоры, у которых отсутствует прорисовка внутреннего профиля не совсем корректно. Характерной особенностью причерноморских амфор, особенно с рифленым туловом, является огромное разнообразие типов и вариантов, что естественно при таком большом наличии гончарных центров. Исходя из этого, приведенные 7 вариантов объема причерноморских амфор являются не более, чем рабочей гипотезой.

Напротив выделение двух классов амфор по наличию зонального или бороздчатого рифления совершенно оправдано и подтверждает давно сделанные исследователями выводы. Перспективно и аргументировано выделение базовая разновидности формы.

Четвертая глава посвящена непосредственно типологии причерноморских амфор при помощи впервые примененных методов анализа общей пропорциональности сосудов. При этом выводить закономерности колебаний по общей пропорциональности на уровне РФК – 4-5 логично, но, вряд ли обосновано именно для причерноморских амфор, учитывая большое количество гончарных центров. На мой взгляд, критерием для выделения типов не может служить исключительно значение общей пропорциональности сосудов. Тем не менее, предложенная типология интересна и вполне обоснованна. Автор и сам признает ее предварительный характер. Большое научное значение имеет сопоставление типов причерноморских амфор с предполагаемыми византийскими прототипами. Тем не менее, автором проанализированы далеко не все типы ранних амфор известных на территории Таврики, которые встречены в ранних салтовских комплексах второй половины VII – первой половины VIII вв. Не исключено, что некоторые из них могли так же послужить прототипами при становлении двух классов причерноморских амфор.

Большое значение имеет четвертый параграф главы, посвященный хронологии и периодизации выделенных автором форм причерноморских амфор. К сожалению, несмотря на отдельные датирующие находки, хронология комплексов не позволяет установить узкие хронологические рамки бытования выделенных Е.В. Сухановым типов. Так тип I-1/1 наиболее ранний, и I-1/2, оказывается характерным для всего периода существования салтово-маяцкой культуры. Тип I-1/3 должен быть более ранним, но так же встречен в первой половине X в. Более узкие хронологические рамки имеет тип I-2/1. В типе I-4 среди использованных автором амфор датированных типов нет. Сходная картина и с типами амфор второго класса.

Таким образом, приведенные в работе хронологические рамки бытования выделенных типов трудно признать успешными. В частности в материалах Сугдеи, в том числе в закрытых комплексах, амфоры, принадлежащие типу I-1/1 и I-1/2 четко датируются не позднее середины VIII в. Автору диссертации, судя про списку литературы, известны работы автора отзыва, связывающие хронологические рамки бытования типов причерноморских амфор не только с датированными закрытыми комплексами Сугдеи, но и со стратиграфическими датированными горизонтами этого средневекового города. На мой взгляд, для продвижения вперед необходимо признать, что развитие амфор внутри двух классов шло эволюционно. Во-вторых, практически во всех известных комплексах Сугдеи очень редко наблюдается сосуществование амфор двух классов в одинаковых пропорциях. Статистические наблюдения однозначно свидетельствуют о том, что амфоры класса 1 практически не встречены с высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками. Даже простой анализ производившихся в гончарных

центрах Таврики классов амфор свидетельствует о том, что в горнах 1, 5, 18 гончарного центра Чобан-Куле производились преимущественно амфоры класса 1. Такова же ситуация с печью № 1 гончарного центра в Канакской балке. Еще более однозначная ситуация с гончарными центрами крымского южнобережья. В горнах в районе Большой Алушты, в ущелье Суат близ Ялты, в пгт. Ливадия, в урочище Аутка близ Ялты производились так же амфоры класса 1. Такова же ситуация и гончарным центром близ с. Трудолюбовка. Все эти печи расположены на территориях подконтрольных византийской администрации. Печи по производству амфор класса 2, напротив, тяготеют к салтово-маяцким памятникам Крыма.

Материалы раскопок памятников Таврики позволяют проследить эволюцию причерноморских амфор. Во всяком случае, класса 1 с зональным рифлением, чему были посвящены и отдельные работы[6], к сожалению, не учтенные автором. Именно здесь логично применение методики А.А. Бобринского с опорой на закрытые комплексы Таврики. В качестве наиболее подверженных эволюции элементов тулова автором признается сформированное или несформированное плече амфоры и ее горло, влияющее на более высокие или более низкие пропорции. Вместе с тем без должного внимания остались форма венчика, сам характер зонального или бороздчатого рифления и дно сосуда. Однако способы нанесения того же зонального рифления были разные. На известных в Таврике сосудах четко видно эволюционное совершенствование его нанесения. Сказанное справедливо и по отношению к бороздчатому рифлению. Обойдено вниманием наличие не округлого, а плоско-вогнутого дна у опубликованных типов причерноморских амфор, причем, как класса 1, так и класса 2.

Выводы данной главы нуждаются в дополнительной аргументации. В частности положение о том, что для первого класса выделяется два условных хронологических горизонта в эволюции форм, на мой взгляд, можно рассматривать не более, чем рабочую гипотезу.

Несмотря на это, общий вывод диссертанта о том, что, несмотря на выделенные закономерности эволюции, прослеживается многообразие конкретных их направлений, связанных с большим количеством гончарных мастерских, нужно признать верным.

В **пятой главе** на примере материалов археологических памятников Среднего и Нижнего Дона, рассматривается минеральное сырье причерноморских амфор. Безусловным положительным моментом является высокий процент исследованных фрагментов, составляющий более половины отобранных образцов. С другой стороны идентификация продукции разных центров или районов на основании выделенных составов глиняной массы представляется проблематичной. Исследователями давно подмечено, что амфоры одного и того же гончарного центра изготовлены из разного теста, хорошо фиксируемого и визуально. Соответственно и делаемые на этом основании выводы, могут быть не более, чем рабочей гипотезой. С этим согласен и автор диссертации, справедливо считающий, что большое разнообразие глин, использовавшихся в производстве «причерноморских» амфор, делает предложенные заключения, лишь первым шагом в направлении решения обозначенных проблем.

Нельзя не согласиться с Е.В. Сухановым и в том, что установление достоверного соответствия конкретной глины с той или иной территории и сырья в археологической керамике, опираясь лишь на внешние параметры керамической массы, является весьма проблематичным. Более того, подчеркнем, что соответствие отобранных образцов глин конкретным гончарным центрам Таврики, еще более проблематично. Несмотря на это, предложенные в данной главе выводы имеют несомненную научную ценность и, по крайней мере, служат поводом для дискуссии.

---

[6] Майко В.В. Праболгарское поселение VIII- первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в юго-восточном Крыму // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б.А. Шрамко. Харьков, 2011. С. 207-219.

В итоге Е.В. Сухановым выделено семь составов естественных примесей в исходном пластичном сырье, на основании которых говорится об 11 условных «районах» добычи пластичного сырья. Автор диссертации сам признается, что тщательного изучения продукции, обжигавшейся в крымских гончарных центрах, не производилось. Исходя из этого, сравнивались отобранные крымские образцы глин и готовая продукция, происходящая из материалов памятников Среднего и Нижнего Дона. Ненадежность этих выводов очевидна.

По поводу пунктов отбора глин на территории Крыма, дублирующих, приведенную выше во второй главе диссертации информацию, можно добавить следующее. Вывод о соотнесении глины рассмотренных пунктов с тремя районами добычи пластичного сырья для изготовления «причерноморских» амфор, установленными по археологическому материалу, не более, чем авторское предположение. Удивляет отсутствие упоминаний в данной главе о примесях не естественного, а искусственного характера. Речь идет, прежде всего, о шамоте. На наш взгляд, поддержанный большинством крымских специалистов, именно наличие шамота является одним из отличительных особенностей амфор второго класса.

В **шестой главе**, исторической, рассматривается поступление амфорной тары на салтово-маяцкие памятники Среднего и Нижнего Дона по морфологическим классам и месторасположению конкретных гончарных центров Крыма. Не ставя ни в коем случае под сомнение квалификацию автора диссертации, необходимо отметить, что практикующим медиевистам Крыма отличить принадлежность фрагмента, даже стенки амфоры, не говоря уже о профильных частях, одному из двух классов причерноморских амфор не составляет труда. Исходя из этого вывод Е.В. Суханова о том, что для обоснованного отнесения фрагментов профильных частей амфор к тому или иному классу необходимо опираться и на объем сосуда, представляется весьма спорным. Вместе с тем, исчерпывающий перечень изученных метрических признаков причерноморских амфор, состоящий из десяти позиций, представляется полезным в плане соотнесения с объемами рассмотренных амфор.

Исходя из этого, предложенные выводы по наличию на каждом из конкретных археологических памятников амфор определенного объема не более, чем искусственные статистические наблюдения, дающие, на мой взгляд, мало информации для реконструкции торговых связей. На мой взгляд, логичнее было бы сразу писать о преобладании конкретных классов причерноморских амфор, что, в конечном итоге, и делает автор. В результате Е.В. Суханов, при помощи сложной методики подтверждает хорошо известный факт преобладания причерноморских амфор первого класса на памятниках VIII – первой половины IX вв., находящихся за пределами Таврики. Исходя из хронологии салтово-маяцких памятников Среднего и Нижнего Дона, верхняя хронологическая граница которых не выходит за рамки середины – третьей четверти IX в., вполне объясним меньший процент причерноморских амфор второго класса, что подтверждает и Е.В. Суханов. Без учета данных хронологии, третий вывод данного раздела главы (с. 109) о выделении двух групп памятников с преобладанием того или иного класса амфор, не более, чем рабочая гипотеза. Напротив вывод о том, что степень удаленность салтовских поселений от причерноморских центров не является причиной отличий в соотношении на памятниках разных классов амфорной тары, абсолютно верен.

Исходя из указанных выше соображений, интересный по содержанию второй раздел данной главы, связанный с распространением в Среднем и Нижнем Подонье амфор, изготовленных из глин разных районов добычи сырья, трудно рассматривать даже в качестве рабочей гипотезы. Не исключено, что автор прав, но все высказанные предположения необходимо дополнительно аргументировать. Исходя из исторических реалий Таврики «хазарского времени» совершенно невозможно объяснить преобладание амфор изготовленных в юго-западном Крыму на четырех упомянутых памятниках Среднего и Нижнего Дона. Точно так же трудно понять импорт амфор из гончарных

центров южного и юго-восточного Крыма. Вероятно, объяснение этому надо искать в механизмах осуществления торговых операций на территориях Таврики, имевших разное политическое подчинение. Для этого необходимо подключение письменных и сфрагистических источников.

Относительно третьего раздела данной главы, некоторое удивление вызывает постановка вопроса о хронологии использованных в работе археологических памятников Среднего и Нижнего Дона. Учитывая известную минимальность датирующих находок и закрытых комплексов, делать допущение о синхронности или разном времени их бытования, по меньшей мере, странно. Все же на каждом из памятников есть минимальные хронологические реперы, позволяющие хотя бы в общих чертах судить об их хронологических рамках. И дело здесь не в построении кабинетных графиков, а в археологических реалиях поселений. Несмотря на всю привлекательность, вряд ли причерноморские амфоры на поселениях Среднего и Нижнего Дона являются единственными и надежными хронологическими индикаторами. Таковыми они не являются даже для раннесредневековых памятников Таврики. Попутно следует подчеркнуть, что не раз упомянутая автором верхняя хронологическая граница бытования причерноморских амфор, определенная как середина XI в. (с. 120), не может быть признана даже теоретически. В.Е. Науменко, на которого ссылается автор, давно отказался от подобной датировки.

Несмотря на все сказанное, выводы о хронологии поступления причерноморских амфор на памятники Среднего и Нижнего Дона вполне объективны и согласуются с давно известной информацией.

Требует некоторой корректировки список литературы. В частности, относительно годов выпуска отдельных работ, их хронологическому и алфавитному расположению.

Таким образом, суммируя все вышеизложенные соображения, без учета дискуссионных моментов, можно выделить несколько основных замечаний и недоуменных вопросов.

К главе 1:

1) В чем, по мнению автора, преимущество типологии амфор причерноморского типа А.В. Сазанова 1997 г. и на каком основании она принята в качестве базовой.

2) Автором на современном этапе упоминаются в качестве базовых две типологии амфор причерноморского типа: типология по Херсонесской классификации 1995 г. (ХК-1995) и упомянутая типология А.В. Сазанова 1997 г. Остальные существующие типологии (Айбабин 1999; Майко 1996, 2004; Науменко 2009, Мыц, Кирилко 1998[7]), в некоторых чертах принципиально отличающиеся от этих двух, только упомянуты без какого-либо анализа, даже краткого.

3) В чем причина игнорирования статьи Н.В. Анфимова 1958 г. о возможной транспортировке в амфорах причерноморского типа нефти с территории Тамани.

К главе 2:

4) Почему в качестве источника использованы только фрагменты профильных частей и крупных фрагментов тулова амфор, происходящих из материалов салтово-маяцких памятников Среднего и Нижнего Дона. Применялся ли статистический анализ преобладания того или иного класса амфор на основании всего имеющегося на конкретном поселении материала.

5) Необходимо дополнительно обосновать правомерность привлечения «условно целых» амфор, относящихся ко второй группе источников, для морфологической систематики.

---

[7] Мыц В.Л., Кирилко В.П. Средневековое поселение Фуны VIII-X вв. (по материалам раскопок 1991 г.) // Этнокультурные процессы в древнем и средневековом Крыму. Симферополь, 1998.

6) Необходимо совершенно четко указать критерии отбора источников второй группы. Указывать в качестве критерия недостаточную информативность опубликованных сосудов, значит искусственно сужать источниковую базу.

7) Требуется дополнительная аргументация для отбора третьей группы источников, представленных образцами глин, известных на территории Крыма. Приведенная автором в работе совершенно недостаточна. При таком подходе использование этой группы источников неправомерно.

К главе 3:

8) Требует дополнительной аргументации отнесение размерных особенностей причерноморских амфор к критериям выделения классов этой категории керамики.

К главе 5:

9) Чем вызвано отсутствие анализа искусственных примесей, в частности степени присутствия шамота, при рассмотрении глиняного теста причерноморских амфор.

Несмотря на высказанные замечания, диссертационная работа Е.В. Суханова является законченным актуальным научным исследованием полностью соответствующим требованиям «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ, которые предъявляются к работам подобного рода. Материалы и выводы диссертации отражены в публикациях соискателя, в том числе в 4 изданиях, рекомендованных ВАК. Автореферат соответствует тексту диссертации. Е.В. Суханов заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Институт археологии Крыма
Российской академии наук,
доктор исторических наук В.В. Майко

295007 Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, д. 2,
телефон/факс +7 (3652) 549 116, +7 (3652) 248 179 http://arheo.inc.ru/
e-mail: arc.crimea2@gmail.com

Подпись В.В. Майко заверяю:
Начальник отдела кадров Н.В. Фроленко